

Деятельность российской разведки в Китае в 70-80-х гг. XIX в.: проблема оценки вооруженных сил Цинской империи

Фалько С. А.

Фалько С. А. Діяльність російської розвідки в Китаї в 70-80-х рр. XIX ст.: проблема оцінки збройних сил Цінської імперії. У статті висвітлено питання про діяльність російської розвідки у Китаї в 70-80-х рр. XIX ст., зокрема оцінка збройних сил Цінської імперії розвідкою різноманітних відомств Росії, діяльність російської розвідки в Китаї на початковому етапі активізації зовнішньої політики у далекосхідному регіоні. Це питання недостатньо розглянуто у сучасній історіографії російсько-китайських відносин. Користуючись архівними документами та мемуарною літературою, автор досліджує особливості і напрями збору таємної інформації про Китай російською розвідкою зовнішньополітичного та військового відомств.

Ключові слова: Росія, Китай, розвідка, генеральний штаб, збройні сили, МЗС, Кульджа.

Фалько С. А. Деятельность российской разведки в Китае в 70-80-х гг. XIX в.: проблема оценки вооруженных сил Цинской империи. В статье рассматривается деятельность российской разведки в Китае в 70-80-х гг. XIX века, в частности оценка вооруженных сил Цинской империи разведкой различных ведомств России на начальном этапе активизации внешней политики в дальневосточном регионе. Этот вопрос недостаточно изучен в современной историографии российско-китайских отношений. На базе архивных документов и мемуарной литературы автор исследует особенности и направление сбора тайной информации о Китае российской разведкой внешнеполитического и военного ведомств.

Ключевые слова: Россия, Китай, разведка, генеральный штаб, вооружённые силы, МИД, Кульджа.

Falko S. Russian intelligence Activity in China in the 70-80-s of the XIXth century: the Assessment of the Armed Forces of the Qing Empire. The article highlights the issue of the history of Russian intelligence in China in the 70-80-s of the XIXth century. The problem under consideration is the assessment of the armed forces of the Qing Empire by the various intelligences agencies of Russia. Intelligence activity of Russia in China at an early stage of activization of the foreign policy in the Far East region has been insufficiently explored in the modern history of Asia. On the basis of archival documents, the author explores the particularities and ways of obtaining secret information about China by

Russian intelligence agencies, and the challenges faced by the Ministry of Foreign Affairs and the military agencies in this sphere of foreign policy.

Key words: Russian, China, Intelligence service, General Staff, military agencies, the Ministry of Foreign Affairs, Kyld'zia.

Изучение деятельности разведки России в Китае, в последней трети XIX века, представляет собой комплексную исследовательскую задачу, невозможную без понимания международной ситуации на Дальнем Востоке в исследуемый период. Большинство исследований, посвящённых той эпохе берут своё начало с японо-китайской войны 1894–1895 гг. Однако активизация деятельности наиболее развитых стран в этом регионе начинается значительно раньше. В этой связи вызывают интерес результаты акций русской разведки в Китае во время т. н. Кульджийского кризиса 1880–1881 гг., и выводы, сделанные после тех событий ведомствами производящими разведку в Поднебесной. Ведущее место в действиях разведки, в исследуемый период, занимала проблема оценки вооружённых сил Цинской империи и угрозы интересам России со стороны Китая. Всё это предопределило возрастание азиатского направления внешней политики Российской империи.

Разведывательная деятельность российских ведомств в Китае в 80-е годы XIX в. исследована слабо. О разведывательной деятельности русских военных и дипломатических представителей в Китае историками упоминается, как правило, лишь фрагментарно. Эта тенденция прослеживается в исследованиях А. Л. Нарочницкого [17], А. Н. Хохлова [32], М. В. Мерк [14], В. А. Моисеева [16]. Работы, посвящённые непосредственно истории разведки России, как правило, относят начало деятельности дальневосточной разведки к периоду предшествующему русско-японской войне 1904–1905 гг. На таких позициях стоят известные историки спецслужб К. К. Звонарёв [8] и М. Алексеев [1]. В статье В. А. Лебедева [11], посвящённой разведывательной деятельности МИД России в конце XIX в., автор уделяет незначительное внимание этому направлению в работе дипломатического ведомства в Китае. Авторский коллектив современных российских ориенталистов освещая историю востоковедения во II половине XIX в. коротко касается деятельности российских офицеров генштабистов в Китае [10]. Разведывательную роль российских военно-научных экспедиций исследовал голландский историк Девид Симмельпеннинк [29; 30]. Его работы посвящены одной из ключевых фигур русской разведки в Китае исследуемого периода Н. М. Пржевальскому. Алекс Маршал [13] в своём труде, посвящённом деятельности российских офицеров генерального штаба в Азии рассматривает частично и организацию разведывательной работы в Китае в 70-80-е гг. XIX в.

В целом, можно констатировать, что специального исследования вышеназванной темы, основанного на источниках, пока нет.

При работе над статьёй были использованы фонды РГВИА, ГАРФ, номера «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии», где печатались отчёты разведчиков-генштабистов, а также периодические издания тех лет – «Восточное обозрение», «Военный сборник», где печатались отдельные статьи военных исследователей Китая 70-80-х гг. XIX в. Важным источником явились отдельно изданные работы – Н. М. Пржевальского [19; 20; 21], М. И. Венюкова [4; 5], Ю. А. Сосновского [28], так как они являлись офицерами ГШ военного ведомства России и были командированы для выполнения разведывательных задач. Эти источники и литература позволили понять, на основании какой информации Петербург формировал своё мнение о Поднебесной и её военных возможностях в 1880-х гг.

XIX век играл важную роль в истории человечества в связи с бурным развитием промышленности, в том числе и военной. Планирование военных действий стало немыслимо без секретной информации о противнике. Политическая разведка, организованная МИД, приобретала всё большее значение, но её возможности были явно недостаточными. Постепенно всё более значимой становится роль военной разведки.

Стремление к реваншу за поражение в Крымской войне, противостояние с Великобританией в Азии во второй половине XIX в., и повторное унижение России на Берлинском конгрессе, после победоносной войны 1877–1878 гг., послужили для неё стимулом в активизации внешнеполитической деятельности в Азии в целом, и в Китае, в частности. Появилась необходимость усиления разведывательных возможностей МИД и военного ведомства России на азиатском направлении [17, с. 138].

В начале 60-х гг. XIX в. в результате военных успехов в покорении Коканда, Хивы и Бухары, Россия постепенно занимает господствующее положение в Средней Азии. На Востоке Туркестана она столкнулась с Цинской империей. Однако к концу десятилетия события, в результате мусульманского восстания, значительно усложнились.

Ещё в 1871 г. русские войска заняли Илийский край, отколовшийся от Цинской империи. Пекину было заявлено, что российская оккупация продлится до тех пор, пока китайские войска сами не смогут оборонять край от мятежных мусульман [17, с. 412]. К 1878 году восстание в Джунгарии было подавлено и для переговоров о возвращении Кульджи в Россию был направлен специальный посол [2, с. 355]. 20 сентября 1879 г. в Ливадии был подписан русско-китайский договор. Однако, условия его не удовлетворили Пекин. Победа над мусульманским мятежом в Джунгарии и Восточном Туркестане, усилила в китайско-маньчжурской элите воинственную группировку. Цинская империя начала подготовку к войне с Россией за Кульджу [16, с. 234].

В конце 1879 г. в Петербург стала поступать информация из внешнеполитического ведомства о спешной закупке Китаем оружия в Европе и США. Военный министр России Д. А. Милютин отмечал – «Отовсюду получают сведения о приготовлениях Китая к войне; агенты его деятельно отправляют из Европы и Америки массу хорошего оружия, пороха, пушек, торпед ... возникает мнение, что наши приготовления слишком незначительны сравнительно с китайскими.» [15, с. 278].

Для аргументации необходимости увеличения финансирования подготовки войск к возможному военному столкновению с Китаем, требовалась новая военно-политическая информация о готовности Пекина к войне с Россией из-за Кульджи, её можно было получить только путём активизации разведывательной деятельности. В XIX столетии служба разведки сосредотачивалась, главным образом, в двух ведомствах: военном и дипломатическом [8, с. 23]. Вело разведку и морское ведомство. Министерство иностранных дел имело за рубежом свою платную агентуру, и тратила на неё довольно солидные суммы [11]. Она добывала секретные сведения дипломатического и политического характера. Этой разведкой ведал и руководил в центре департамент политических дел министерства иностранных дел, а за рубежом – дипломатические представители – послы и консулы [1, с. 108].

Со второй половины 50-х годов усиливалось значение в министерстве иностранных дел Азиатского департамента, что объяснялось расширением геополитических интересов России на Востоке. По сути дела он стал представлять собой обособленное структурное подразделение, а взгляды его руководителей отличались известной самостоятельностью [31, с. 58].

С момента учреждения дипломатической миссии в Пекине в 1861 г. информация о военных силах Китая поступала регулярно в Петербург по каналам МИД. Уже в июле 1862 г. российский представитель в китайской столице Л. Ф. Баллюзек информировал о реформах в китайской армии, и участия в них английских инструкторов: «Обучение китайских солдат в фортах Дагу продолжается английскими инструкторами...» [32, с. 241]. В 1864 г. в районе Пекина насчитывалось около 30 тыс. маньчжурских и китайских солдат, обученных европейскому строю. Об этом доносил в своих донесениях русский посланник А. Г. Влангали в июне 1865 г. в МИД [32, с. 242].

Разведку в Китае вело и Военное министерство. После военных реформ 60-х годов XIX в. структура разведки была изменена. Военно-учёный комитет (ВУК) Главного штаба (Гл. Ш) – центр военного управления, отвечал за сбор сведений за границей [12, с. 212]. Разведкой в Азии занималась т. н. Азиатская часть Гл.Ш. В ней сосредотачиваются дела, касающиеся военных округов: Кавказского, обоих Сибирских, Оренбургского и Туркестанского, в частности по

снаряжению туда военно-ученых экспедиций [10, с. 125]. Создание подразделения не по отраслевому, а по географическому признаку, явилось показателем резко возросшего количества дел, связанных с «восточным» направлением внешней политики Российской империи. Этот отдел Гл. Ш, постепенно превращался в своеобразный "азиатский филиал" ВУК – центрального аппарата разведки. Были созданы новые разведывательные органы в приграничных районах – в штабах военных округов [12, с. 216].

После Тайпинского восстания китайская армия не рассматривалась как серьёзный противник. Появление военных агентов (атташе) Англии и Франции в Пекине, не привело к посылке в столицу Поднебесной официального военного представителя России. Этот факт показывал оценку Петербургом армии Китая.

В 60 – 70-х гг. XIX в. военная разведка занималась вопросами, связанными с охватившим Северо-Западный Китай восстанием дунган. Близость восстания к границам России определяла тот интерес, с которым в Азиатской части Гл. Ш относились к получаемой с мест информации. В основном сведения поступали из штабов Западно-Сибирского и Туркестанского военных округов [8, с. 147]. Формы и методы сбора тайной информации о ситуации, нашли своё отражение в статье печатного органа военного министерства – «Военного сборника», – «...источник информации полковник султан Тезек, имел бесперывные связи с самыми отдалёнными частями Китая и получал её от перебежчиков, купцов и их помощников.» [7, с. 186].

Но главным поставщиком тайных сведений о Поднебесной, были т. н. военно-научные экспедиции. Офицер – разведчик писал: «моя командировка в пограничные местности Китая должна была быть выполнена совершенно открыто, в военной форме, в сопровождении внушительного отряда... такие служебные поручения, были возможны только в азиатских условиях» [6]. Причина заключалась в том, что генштабисты, руководители экспедиций, были наиболее подготовлены для разведки. Азиатские лазутчики не давали качественной информации из-за низкого образовательного уровня. Об этом, из Пекина докладывал российский разведчик, Н. Я. Шнеур: «Трудности сбора секретных сведений в Китае ... в отсутствии хороших тайных агентов. Китайцы к этому делу совершенно не гожи» [25].

Разведывательные экспедиции военного ведомства в западные районы Китая свидетельствовали о внимании к вопросам военной географии. Так, З. Л. Матусовский являясь топографом штаба Западно-Сибирского военного округа с 1865 по 1873 гг. ежегодно предпринимал разведывательные рейды в северо-западный Китай. Подполковник ГШ Полторацкий В. А. в 1867 г. командировался в пограничные области Западной Сибири с целью сбора развединформации [3, с. 160, 185-186]. Были и другие экспедиции.

В 70-х гг. XIX века, вслед за военными успехами китайцев в борьбе с мусульманскими мятежниками в Джунгарии, увеличивается интерес военной разведки к армии Поднебесной. В частности, этой задачей занимались генштабисты Ю. А. Сосновский и Н. М. Пржевальский. В мае 1870 г. после доклад ВУК было получено разрешение финансировать трехлетнюю командировку штабс-капитана ГШ Н. М. Пржевальского в Китай [10, с. 148]. В 1874–1875 гг. капитан ГШ Ю. А. Сосновский, уже участвовавший в 1871–1872 гг. в рекогносцировке долины р. Черный Иртыш в Западном Китае, возглавляет очередную разведывательную экспедицию в Китай. Эти разведчики анализировали воевавшие в Кашгарии с мусульманами войска генерала Цзо Цзу-тана. Они являлись наиболее боеспособной частью армии Цинской империи.

Однако оценки войск Китая были противоречивы. Ю. А. Сосновский отмечал – «У Цзо-цзун-тана до 50 т. по европейски обученных и вооруженных, имеет он обильные запасы и источник боевых средств», – подчеркнул он и факты моральной стойкости китайского солдата в бою: «Солдаты спокойно, без суеты заняли указанные места и, без всяких побуждений страха, готовились встретить противника» [28, с. 706-709]. Негативной точки зрения на китайскую армию придерживался Н. М. Пржевальский: «...китайцы давили магометан только численностью» [21, с. 79], – «Смелый неприятель, с европейским оружием, может двинуться в любую часть Среднего государства, и заранее рассчитывать на верную победу. О количестве защитников Небесной империи нечего заботиться... офицеры, как и солдаты, преданы курению опиума, и не могут пробыть без него даже одного дня...» [20, с. 273]. Эта информация послужила для планирования военной кампании в пределы Китая, в период напряженности в отношениях между империей Романовых и Цинской династией [29, с. 5]. Имелся в Главном штабе и опыт организации разведки непосредственно в Китае. В 1869–1870 гг. Китай и Японию с целью сбора разведанных, под видом путешественника, посетил подполковник ГШ М. И. Венюков. Он также не высоко оценивал боеспособность китайской армии [4, с. 81].

К началу острого внешнеполитического конфликта между Российской империей и Цинским Китаем в 1880 г. из-за судьбы Кульджи, в Петербурге имелись существенные сомнения по вопросу о силе войск Китая. Информация, поступающая из разных источников, принадлежавших как правило МИД, была достаточно противоречива и только усложнила ситуацию. Ярким примером создавшегося положения явилась докладная записка ротмистра А. А. Бенкендорфа, проходившего службу в Гл. Ш. Точка зрения этого военного аналитика отличается от мнения разведчиков ГШ Н. М. Пржевальского и М. И. Венюкова. Ротмистр А. А. Бенкендорф сообщал, – «Многие писали о Китае, как то Венюков, Сосновский, Гейтс и др. и пришли к заключению, что китайцы не способны к военному делу. И что Китай не в состоянии вести войны. Такое мнение может быть оспариваемо. Китайцы вообще выносливы,

терпеливы, могут довольствоваться незначительной пищей...» [23]. Автор пришел к выводу, что Китай является серьёзным противником России на Дальнем Востоке. Все тайные данные о Китае анализировались и представлялись руководителям военного и внешнеполитического ведомств, влияя на окончательную оценку военно-политической ситуации. Значение разведки Российской империи в обстановке военной тревоги 1880 г. подчёркивает участие её представителей полковников ГШ А. Н. Куропаткина и А. В. Каульбарса, участвовавших в разведывании ситуации в западном Китае, в особом совещании 1879 г., присутствовал на нём и руководитель российской военной разведки, управляющий ВУК генерал Н. Н. Обручев. Это отмечено в дневниках военного министра Д. А. Милютина – «У меня совещание по китайским делам. Принимали в нем участие... Гирс, ...Бютцов (посланник наш в Пекине) и Мельников (управляющий Азиатским департаментом); со стороны же военной-гр. Гейден, Обручев, ...полковники Куропаткин и Каульбарс.» [15, с. 208]. Это свидетельствует о серьёзном влиянии разведки на принятие решений во время конфликта.

Мотивируя неполнотой поступающей из МИД, тайной информации о вооружённых силах Китая, руководство российской военной разведкой отмечало в докладе военному министру – «К сожалению, наша пекинская миссия не доставляет почти никаких сведений о военных приготовлениях в Китае, сознавая при этом, что те немногие факты которые она сообщила, добытые ею от членов других европейских миссий.» [22].

По инициативе, генерала Н. Н. Обручева, который был фактически руководителем российской разведки, в тот период, возглавляя ВУК Гл. Ш. была организована разведывательная миссия в составе подполковника Н. Я. Шнеура, делопроизводителя ВУК Гл. Ш., и старшего адъютанта 24 пехотной дивизии ГШ капитана В. Бодиско [13, с 68]. Цель миссии и способ её деятельности был не типичен для того времени. Архивные документы военного министерства России свидетельствуют – «Послать предварительно в Европу, а затем в Китай двух офицеров, офицеры эти могли бы найти сведения прямо на заводах Круппа, где не трудно узнать заказы назначенные в Китай, затем они могли бы побывать в Бельгии и других частях Европы, где разузнали бы о заказах оружия... Из Лондона эти лица должны были попасть в Северную Америку...они разъяснили бы чрезвычайно важный вопрос можно ли снабжать о. Сахалин и Приморскую область из северной Америки...По приезду в Китай, командированные офицеры проведут некоторое время в пунктах, где окажется возможным собирать обстоятельные сведения о войсках » [22].

Таким образом, главный упор в задании делался на анализ возможного получения из Европы и США новейших видов стрелкового вооружения, что свидетельствовало об озабоченности руководителей военного ведомства информацией поступающей из источников МИД и военных агентов (атташе) о перевооружении армии Цинской империи,

что уменьшало шанс российской армии на военный успех в случае начала боевых действий. Не отказался генерал Н. Н. Обручев и от дальнейшего использования военных агентов в Европе и требовал – «...соберите сведения о закупках военных материалов китайским правительством...Фельдману (в Вену), Далеру и Фредериксу (в Париж), генералу Новицкому (в Берлин)» [23]. Эти приказания были разосланы в Вену, Париж, Берлин, Лондон. Таким образом, на какое-то время задача исследования ВС Китая стала приоритетной для разведывательных органов российской армии, что показывало явную озабоченность угрозой военного столкновения с Цинской империей в Центральной Азии, Маньчжурии, Приморье.

Результатами активной деятельности российской разведки в отношении Китая, стало получение новой информации относительно военных реформ, их подробный анализ. Начиная с кульджийского кризиса, на протяжении 15 лет, в 1880–1895 гг. деятельность российской разведки была сконцентрирована вокруг анализа военно-политических реформ Цинской империи, и исследования вопросов боеготовности маньчжуро-китайской армии.

Извлекая уроки из событий 1880–1881 гг. вокруг Кульджи, руководство страны до конца японо-китайской войны 1894–1895 гг. считало, что наряду с Англией, Китай является главным военным врагом на Дальнем Востоке [35, с. 294]. В связи с этим активизировалась деятельность русской разведки в этой стране. В Китае, при императорской российской миссии в Пекине, была организована военная агентура в лице произведённого в подполковники генштабиста В. Бодиско. Началась деятельность разведки, только что образованного в 1884 г., как следствие Кульджийского конфликта, Приамурского военного округа. Главной целью подразделений отвечающих за разведку этого округа стало исследование Маньчжурии в интересах военного ведомства. Западносибирский военный округ активизировал военную разведку в западной части Цинской империи – Синцзяне. В 1884–1885 гг. там действовали военные разведчики, офицеры ГШ генерал-майор Щетинин и капитан Галкин [33; 34]. Не отставало от военного ведомства и МИД – в Кашгаре активно действовала агентура российского консула Петровского [18].

Борьба мнений, вокруг оценки ВС Китая, выяснила, что в вопросе русской политики относительно Поднебесной империи Н. М. Пржевальский настроен наиболее радикально. Когда военный министр в 1887 году призвал его участвовать в особом комитете по изучению китайско-русских отношений, он выступал за военное присоединение Синцзяна, Монголии и Тибета [29, с. 208]. Однако в центре российской военной разведки, военно-учёном комитете, генералы Д. А. Милютин, Н. Н. Обручев, и на местах, в штабах восточных округов Г. А. Колпаковский и К. П. Кауфман значительно более трезво оценивали силу войск Цинского Китая, и делали более

объективные выводы о военно-политической ситуации, зная слабость России на Дальнем Востоке, в отличие от офицеров разведчиков – Н. М. Пржевальского, М. И. Венюкова.

Возросшее внимание к Китаю российской военной разведки выразилось и в перераспределении финансовых средств, выделяемых для ВУК с европейского направления на тайные акции в Цинской империи. Это подтверждают и архивные документы разведки – «В текущем году генерал-адъютанту барону Корфу уже отпущено было по 1500 р. из 6500 р. назначенных для собирания сведений на западной нашей границе ... командующий Приамурским ВО посылал уже в 1884 г. ГШ капитана Евтюшина в Цицикар, и ныне готовит ему 2-ю командировку в Китай» [27].

Таким образом, кризис вокруг Кульджи в 1880–1881 гг. заставил МИД, военное ведомство, морское министерство пересмотреть своё отношение к Китаю, как к военному противнику. Следствием этого явилась, заметная активизация деятельности ведомственных разведок. Началось системное изучение армии Цинского Китая и театра вероятных военных действий в Маньчжурии и китайском Туркестане. О чём свидетельствует резкое увеличение разведмиссий разведчиков-генштабистов в эти области [34; 35].

Информация разведки различных ведомств России позволила более пристально изучить возможные последствия военного конфликта с Цинской империей и внесла серьёзные коррективы в политику по отношению к восточному соседу.

Примечания

1. *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. – Т. – 1. / М. Алексеев. – 1998.
2. *Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг. / О. Р. Айрапетов. – М., 2006.
3. *Басханов М. К.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь / М. К. Басханов. – М., 2005.
4. *Венюков М. И.* Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. / М. И. Венюков. – Хабаровск, 1970.
5. *Венюков М. И.* Китайский военный флот / М. И. Венюков // Восточное обозрение. – № 22. – 1883. – С. 2–3.
6. ГАРФ. Ф. Р – 6683. оп. 1 д. 1 – В. Л. 78–79.
7. *Галкин.* Современное состояние вооруженных сил в Восточном Туркестане ГШ капитана Галкина / Галкин. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIV. – 1886. – С. 129–222.
8. *Гейнс А. К.* О восстании мусульманского населения или дунганей в западном Китае / А. К. Гейнс // Военный сборник, 1866. – №8. – С. 185–208

9. Звонарёв К. К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. / К. К. Звонарёв. – В 2-х кн. – Кн. 1-я. – М., 2003.
10. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / А. Н. Сахаров, А. В. Игнатьев, В. М. Хевролина – М., 1997.
11. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / А. А. Вигасин, А. Н. Хохлов, П. М. Шаститко. – М., 1997.
12. Лебедев В. А. О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века // Материалы исторических чтений на лубянке 1998 год. [Электронный ресурс. Режим доступа [http:// militera. lib. ru /db/yanchevetsky_dg/02/](http://militera.lib.ru/db/yanchevetsky_dg/02/)]. Доступ – 8. 09. 2008 г.
13. Макаров И. С. О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (последняя треть XIX – начало XX в.) / И. С. Макаров. – Многоликая история. – М., 1997.
14. Marshall Alex. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. / Marshall Alex. – London and New York, 2006.
15. Мерк М. В. Китайская армия во второй половине XIX – начале XX века. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://rubicon-club.narod.ru/kitay.doc>]. Доступ – 12.07.2008 г.
16. Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютина. Т. 3. 1878–1880 / Д. А. Милютин. – М., 1950.
17. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В. А. Моисеев. – Барнаул, 2003.
18. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895./ А. Л. Нарочницкий. – М., 1956.
19. Петровский Н. Ф. Вы посылаетесь в страну которую мы мало знаем. Разведывательная «программа» русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского. / Н. Ф. Петровский // Источник. – № 6, 2002. – С. 52–55.
20. Пржевальский Н. М. Современное положение Центральной Азии / Н. М. Пржевальский. – М., 1887.
21. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Трёхлетнее путешествие в восточной нагорной Азии Н. Пржевальского, полковника ГШ. / Н. М. Пржевальский. Т. 1. – СПб., 1875.
22. Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. / Н. М. Пржевальский – СПб., 1883.
23. РГВИА. Фонд 447 оп 1 дело 11 (ед. хранения 2) л. 36
24. РГВИА. Ф. 447 оп.1. д.6. часть 1. Л. 1.
25. РГВИА. Ф. 447 оп. 1. д.11. Л. 6-7.
26. РГВИА. Ф. 447 оп. 1. д. 11 Л. 6-8
27. РГВИА. Ф. 447 оп. 1. д. 11 Л. 10.
28. РГВИА. Ф. 846 оп. 4 д. л. 8-10

29. *Сосновский Ю. А.* Экспедиция в Китай Генерального штаба полковника Ю. А. Сосновского 1874–1875 гг. / Ю. А. Сосновский. – М., 1883.
30. *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Дэвид.* Неизвестный Пржевальский / Схиммельпеннинк ван дер Ойе Дэвид // Ариоварта, 1997. – №1 – С. – 207–226.
31. *Толмачёв Е. П.* Дальневосточная политика России при Александре III / Толмачёв Е. П. / Сборник Русского исторического общества. Т. 6 (150) / Под ред. Грицкова В. Р. – М., 2005. – С. 294–302.
32. *Хевролина В. М.* Министерство иностранных дел России в 1856–1878 гг. / В. М. Хевролина // Новая и новейшая история. – №4. – 2002. – С. 56–64.
33. *Хохлов А. Н.* Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX – начале XX в. / А. Н. Хохлов // Вопросы истории и историографии Китая (сборник статей). – М., 1968. – С. 203–244.
34. *Щетинин.* Записка о современном состоянии вооруженных сил Китая в Тарбагатайской и Илийской областях. генерал-майора Щетинина. 1885 г. / *Щетинин.* // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIV. – 1886. – С. 1–128.
35. *Schimmpenninck D. van der Oye.* Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. / D. Schimmpenninck van der Oye. – De Kalb, 2001.

© Фалько С. А., 2010

Политика ВЦРПС в отношении профсоюзного движения Финляндии (1944–1959 гг.)

Чернявский Л. С.

Чернявський Л. С. Політика ВЦРПС по відношенню до профспілкового руху Фінляндії (1944–1959 рр.). В статті проаналізовано перебіг подій, що пов'язані з розвитком відносин між профспілками СРСР та Фінляндії з точки зору того, як ВЦРПС намагався вплинути на фінські профспілки з метою зробити їх лояльними та пристосувати їх політику до потреб та цілей зовнішньополітичного курсу СРСР.

Ключові слова: Фінляндія, профспілки, ВЦРПС, Центральне об'єднання профспілок Фінляндії (ЦОПФ), Соціал-демократична